

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА

Был у майора Деева
Товарищ — майор Петров,
Дружили еще с гражданской,
Еще с двадцатых годов.
Вместе рубали белых
Шашками на скаку,
Вместе потом служили
В артиллерийском полку.

А у майора Петрова
Был Ленька, любимый сын,
Без матери, при казарме,
Рос мальчишка один.
И если Петров в отъезде, —
Бывало, вместо отца
Друг его оставался
Для этого сорванца.

Вызовет Деев Леньку:
— А ну, поедем гулять:
Сыну артиллериста
Пора к коню привыкать! —
С Ленькой вдвоем поедет
В рысь, а потом в карьер.
Бывало, Ленька спасует,
Взять не сможет барьер,
Свалится и захнычет.
— Понятно, еще малец! —

Деев его поднимет,
Словно второй отец.
Подсадит снова на лошадь:
— Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У майора была.

Прошло еще два-три года,
И в стороны унесло
Деева и Петрова
Военное ремесло.
Уехал Деев на Север
И даже адрес забыл.
Увидеться — это б здорово!
А писем он не любил.
Но оттого, должно быть,
Что сам уж детей не ждал,
О Леньке с какой-то грустью
Часто он вспоминал.

Десять лет пролетело.
Кончилась тишина,
Гроном загрохотала
Над родиною война.
Деев дрался на Севере;
В полярной глуши своей
Иногда по газетам
Искал имена друзей.
Однажды нашел Петрова:
«Значит, жив и здоров!»
В газете его хвалили,
На Юге дрался Петров.
Потом, приехавши с Юга,
Кто-то сказал ему,
Что Петров, Николай Егорыч,
Геройски погиб в Крыму.
Деев вынул газету,
Спросил: «Какого числа?» —
И с грустью понял, что почта
Сюда слишком долго шла...

А вскоре в один из пасмурных
Северных вечеров
К Дееву в полк назначен
Был лейтенант Петров.
Деев сидел над картой
При двух чадающих свечах.
Вошел высокий военный,
Косая сажень в плечах.
В первые две минуты
Майор его не узнал.
Лишь басок лейтенанта
О чем-то напоминал.
— А ну, повернитесь к свету, —
И свечку к нему поднес.
Все те же детские губы,
Тот же курносый нос.
А что усы — так ведь это
Сбрить! — и весь разговор.
— Ленька? — Так точно, Ленька,
Он самый, товарищ майор!

— Значит, окончил школу,
Будем вместе служить.
Жаль, до такого счастья
Отцу не пришлось дожить. —
У Леньки в глазах блеснула
Непрошенная слеза.
Он, скрипнув зубами, молча
Отер рукавом глаза.
И снова пришлось майору,
Как в детстве, ему сказать:
— Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может

Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.

А через две недели
Шел в скалах тяжелый бой,
Чтоб выручить всех, обязан
Кто-то рискнуть собой.
Майор к себе вызвал Леньку,
Взглянул на него в упор.
— По вашему приказанью
Явился, товарищ майор.
— Ну что ж, хорошо, что явился.
Оставь документы мне.
Пойдешь один, без радиста,
Рация на спине.
И через фронт, по скалам,
Ночью в немецкий тыл
Пройдешь по такой тропинке,
Где никто не ходил.
Будешь оттуда по радио
Вести огонь батарей.
Ясно?— Так точно, ясно.
— Ну, так иди скорей.
Нет, погоди немножко.—
Майор на секунду встал,
Как в детстве, двумя руками
Леньку к себе прижал:—
Идешь на такое дело,
Что трудно прийти назад.
Как командир, тебя я
Туда посылать не рад.
Но как отец... Ответь мне:
Отец я тебе иль нет?
— Отец,— сказал ему Ленька
И обнял его в ответ.

— Так вот, как отец, раз вышло
На жизнь и смерть воевать,
Отцовский мой долг и право
Сыном своим рисковать,
Раньше других я должен
Сына вперед посылать.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.
— Понял меня?— Все понял.
Разрешите идти?— Иди!—
Майор остался в землянке,
Снаряды рвались впереди.
Где-то гремело и ухало.
Майор следил по часам.

В сто раз ему было б легче,
Если бы шел он сам.
Двенадцать... Сейчас, наверно,
Прошел он через посты.
Час... Сейчас он добрался
К подножию высоты.
Два... Он теперь, должно быть,
Ползет на самый хребет.
Три... Поскорей бы, чтобы
Его не застал рассвет.
Деев вышел на воздух —
Как ярко светит луна,
Не могла подождать до завтра,
Проклята будь она!

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
— Все в порядке, добрался.
Немцы левой меня,
Координаты три, десять,
Скорей давайте огня!—
Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
— Немцы правой меня,
Координаты пять, десять,
Скорее еще огня!

Летели земля и скалы,
Столбом поднимался дым,
Казалось, теперь оттуда
Никто не уйдет живым.
Третий сигнал по радио:
— Немцы вокруг меня,
Бейте четыре, десять,
Не жалейте огня!

Майор побледнел, услышав:
Четыре, десять — как раз
То место, где его Ленька
Должен сидеть сейчас.
Но, не подавши виду,
Забыв, что он был отцом,
Майор продолжал командовать
Со спокойным лицом:
«Огонь!»— летели снаряды.
«Огонь!»— заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:

— Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

И на командном пункте,
Приняв последний сигнал,
Майор в оглохшее радио,
Не выдержав, закричал:
— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
У майора была.

В атаку пошла пехота —
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Ленька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Леньку
И вдруг его не узнал:
Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Все те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.

Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
— Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла!—
Такая уж поговорка
Теперь у Леньки была...

Вот какая история
Про славные эти дела
На полуострове Среднем
Рассказана мне была.
А вверху, над горами,
Все так же плыла луна,
Близко грохали взрывы,
Продолжалась война.
Трещал телефон, и, волнуясь,

Командир по землянке ходил,
И кто-то так же, как Ленька,
Шел к немцам сегодня в тыл.